

Священный Плат

МАЛИНОВЫЙ ПЛАТ

Интервью с Верой Бутиной (Сан-Франциско, США)

В нынешнем году исполняется 125 лет со дня рождения Михаила Михайловича Бутина (1880-1967). На первый взгляд, судьба этого человека мало чем отличается от судеб тысяч русских эмигрантов, рассеянных по миру. И тем не менее, личность М.М.Бутина является редким образцом служения родине, не только в России, но и на чужбине. По словам одной из сподвижниц Бутина по кружку Живой Этики в Сан-Франциско, его повседневная жизнь была «полна духовным горением» и на протяжении последних десятилетий «превратилась в бесконечное устремление». Редакция журнала «Вестник Ариаварты» решила поместить в настоящий выпуск небольшой материал об эмиграции Русского Китая, о М.М.Бутине и его близком окружении.

Родился М.М.Бутин в Рязани 8/20 октября 1880 года. Закончил историко-филологический факультет Императорского Санкт-Петербургского Университета и с 1905 по 1918 год работал преподавателем и инспектором в Первой мужской гимназии города Самары. Эти годы он часто вспоминал как «десять лет счастливой жизни». Затем началось время скитаний, период беженства — в Омске, Бийске, Ханьчжоу (на юге Китая) и сравнительно оседлая жизнь в Харбине с 1927 по 1957 годы. После пяти лет хлопот ему удалось выехать из коммунистического Китая в Японию, а оттуда в 1959-м — в Соединенные Штаты, в Сан-Франциско. Первоначально в эмиграции М.М.Бутин продолжил свою педагогическую карьеру, а впоследствии из-за болезни сменил призвание учителя на должность бухгалтера.

В конце 1920-х годов М.М.Бутин познакомился с теософией. В Харбине у будкинистов и в местных библиотеках он читал книги Безант, Ледбитера, Рамачаракки, Крыжановской, др. Вслед за популярной литературой пришло Учение Живой Этики. На почве Учения Бутин подружился с П.А.Чистяковым, харбинским сотрудником Н.К.Рериха, и с руководителем небольшого кружка Б.Н.Абрамовым, который состоял в переписке с Е.И.Рерих. По приезду на жительство в Калифорнию Михаил Михайлович собрал из эмигрантов и возглавил собственный кружок последователей Живой Этики. Он оставался его бессменным руководителем на протяжении семи лет, вплоть до своей кончины в 1967 году. Некрологи о смерти М.М.Бутина были опубликованы в Америке, в бостонском теософском журнале «Alba» (1969, № 11) и в популярном среди эмигрантов сборнике «Оккультизм и йога» (1968, № 38), издававшемся в Парагвае.

Несколько лет назад удалось взять интервью у дочери Михаила Михайловича, Веры Михайловны Бутиной, которая в настоящее время проживает в Сан-Франциско. Несмотря на свои почти что сто лет, она сохранила удивительную ясность

ума, изысканную русскую речь и заряд душевной бодрости, перечеркивающий любые представления о возрасте. Вера Бутина поделилась воспоминаниями об отце и его соратнике П.А. Чистякове. Публикуемое интервью и письма Чистякова, а также другие материалы, надеемся, пополнят наши знания истории и духовной культуры русской эмиграции на Дальнем Востоке.

Главный редактор

* * *

— Вера Михайловна, как Вы оказались в Русском Китае?

В 1917 году, когда началась революция, у нас произошла семейная революция. Мои родители расстались. Тогда мы жили в Самаре. Сначала я была с мамой, потом эвакуация в Омск. Так как мама считалась виноватой, то, по закону русской церкви, я перешла к папе. А тут вдруг Колчак наступает на Омск, и папа стал добровольцем в армии Колчака.

В то время мамин дядя Сергей Васильевич Унженин, брат моего дедушки, находился в Китае. Но не как эмигрант, с молодых лет он служил в большой чайной фирме «С.В. Литвинов» и являлся уже главным компаньоном владельца фирмы. Дядя написал папе в Омск, чтобы «Веру прислали в Ханькоу, пока всё в России успокоится». Так я оказалась в Ханькоу, жила и училась там.

— Что представлял собой Ханькоу, почему именно там обосновалась русская колония?

С давних пор Ханькоу — это центр торговли Китая и России. Несколько русских фирм скупали чай и отправляли его на родину, в Россию.

Помимо русской, в Ханькоу, располагались английская, французская и немецкая концессии. Там жило третье поколение европейцев. Поэтому у нас дома больше говорили по-английски, чем по-русски. Сначала я ничего не понимала. «Не понимаешь — учи». А потом это оказалось куском хлеба на всю жизнь.

— А как сложилась Ваша судьба в Китае?

Окончив школу в Ханькоу, я поступила в 6-й класс гимназии в Харбине. В 1923 году туда приехал мой папа, Михаил Михайлович Бутин, он нелегально перешел границу. В одной гимназии освободилось место, преподаватель уехал в Австралию. Это место как раз предложили ему, поскольку папа окончил в Петербурге университет и имел преподавательский стаж. Сначала он преподавал у Андерса, затем у Дризена, потом на два года уехал в Ханькоу и снова вернулся в Харбин. Я решила, что буду жить с папой, а не с дядей. В 1926 году окончила Русскую гимназию им. А.С. Пушкина в Харбине.

Благодаря обстановке, в которой я оказалась в Ханькоу, мне пришлось служить в ряде коммерческих фирм. Мое знание английского языка было таким, что в харбинской гимназии я была освобождена от посещения уроков, поскольку знала больше учителей. Также работала журналисткой, стенографисткой, русская и английская стенография. Последнюю работу, уже после войны, получила в институте иностранных языков, учили китайцев русскому языку. Английский был уже не моден. Вообще, в Харбине я не чувствовала себя эмигранткой, ведь мне пришлось уехать в Китай к живущим там богатым родственникам.

В конце 1950-х мы с отцом уехали в Америку через Японию. Нам повезло, в Токио познакомились с архимандритом

том Еремеем Бакичем, присланным из Соединенных Штатов. Он помогал там русским беженцам, содействовал в получении временных японских виз. Будучи в Японии, архимандрит Еремей имел популярность в американских кругах, но английского языка не знал и приспособил меня своей секретаршей. У нас сложились дружественные, неофициальные отношения. Позже я писала ему в Японию: «Многоуважаемый и дорогой Владыко...»

— *Расскажите, пожалуйста, о русской колонии в Харбине. Кто из эмигрантов Вам запомнился больше других?*

Папа всегда интересовался теософией и всякими такими вопросами, и потом уже Агни-йогой. Его круг знакомых определялся духовными интересами. После войны неожиданно прославился Петр Алексеевич Чистяков. Он лечил травами. У него были удивительно удачные диагнозы. В Харбине тогда оказалось очень трудно с лекарствами, их просто нельзя было купить ни за какие деньги. И папа отправился к Чистякову на прием, поскольку страдал артритом. Тот хорошо его встретил. Они нашли много точек соприкосновения, общих тем для бесед. После этого папа у него часто бывал. Сама я видела Петра Алексеевича четыре-пять раз. Он выглядел пожилым и чудаковатым, немножко впадающим в старчество, если так можно выразиться. Раньше Петр Алексеевич служил на КВЖД (Китайско-Восточной железной дороге). Когда мы с ним познакомились, в 1952-м, он уже был в отставке. Только здесь, в Америке, я узнала, что он являлся большим другом Рериха. Конечно, Чистяков сказал папе об их знакомстве с Николаем Константиновичем. У нас сложилось впечатление, что это была старая дружба. Вместе они учились в Петербурге и снова встретились в эмиграции.

Папа также был хорошо знаком с Борисом Николаевичем Абрамовым, который возглавлял агни-йогический кружок. Раза два он приходил к нам в гости. Впоследствии Абрамов очень интересовался нашим отъездом в Японию. Когда мы находились еще в Харбине, он пришел специально поговорить, узнав о получении нами визы. Ведь он состоял в Христианском Союзе Молодых Людей, в административной части, и был связан с секретарем Союза господином Хейчем, американцем по происхождению. Хотел навести о нем справки в Японии. Но тот уже уехал в Соединенные Штаты, когда мы прибыли в Токио. Я написала об этом Абрамову в письме.

В Харбине у нас были знакомые, которые уезжали в Советский Союз. Среди них — Наталья Яковлевна Гаврилова. Она передала моему папе все 17 книг из серии «Живой Этики». Вместе с мужем они состояли в кружке Абрамова. Муж, Юрий Николаевич Гаврилов, служил в японской полиции. Он был арестован советскими войсками и отправлен в Сибирь. Позже Наталья Яковлевна с сыном поехала в Советский Союз и соединилась с мужем в Оренбурге. Она побоялась везти книги через границу.

— *Вера Михайловна, Вы можете более подробно рассказать о встрече с Чистяковым?*

В молодости я не считала Чистякова значительной личностью. Для меня он был кем-то вроде знахаря, который лечит травами, старик, который плохо слышит, совсем неинтересный собеседник. Как они с папой разговаривали, не знаю. Однажды у них был разговор. Чистяков сказал, что он плохо слышит, но зато очень хорошо видит. А папа ему ответил: «Я хорошо слышу, но зато не вижу». По-моему, Петр Алексеевич года на два или три был старше папы. Михаил Михайлович родился в 1880 году.

В Харбине вдруг стали говорить: «Был у Чистякова, он дал такую травку хорошую, мне сразу помогло». И папа как-то сказал: «От всех слышу о Чистякове. Поеду и я, посмотрю, что он из себя представляет». Вернулся взволнованный. Петр Алексеевич встретил его словами: «Мне было сказано — на днях придет Бутин. Встретить его хорошо». Тогда я ничего не понимала. Если знакомый Рериха, то значит, просто совпадение. Это теперь у меня другие мысли.

Знаете, у Чистякова был портрет Учителя, Владыки Мории...

— *Вы искренне верите в Махатм и Владык?*

Я имела много доказательств. Хотя бы такой случай. Мы приехали в Японию. У меня было рекомендательное письмо к одной американке, которая была замужем за англичанином. Но не важно. В общем, я к ней обратилась. Сказала, что беженка из Харбина, ищу работу. Через время получила звонок по телефону — приехать на интервью. И я поехала. Интервью оказалось очень удачным, получила место секретарши в большой английской компании. Когда возвратилась домой, папа лежал на кровати и сразу же мне сказал: «Ну, поздравляю...» — «Подожди, я тебе еще ничего не рассказала». — «Я обратился к Владыке с просьбой помочь, и ответ был ясный — она уже служит». Хотите — верьте, но это факт. Лично я верю абсолютно.

В записках папы есть беседы с Владыкой М. Он слышал, и слышал часто. Правда, не много, кратко. У нас были тяжелые жизненные моменты в Харбине. Когда начался отъезд из Китая, я служила в конторе Бриннера. Ко мне стали приходить люди с просьбой заполнить по-английски анкеты на выезд. В день бывало по 10-15 клиентов. Это

в самый разгар тяги за границу. Меня вызвали в Общество советских граждан и заявили: «Или прекратите, или будете очень сожалеть». Одним словом, грозили высылкой в Советский Союз. Случались страшные истории, и папа обращался к Владыке. Всегда приходил ответ: «Не беспокойся, всё будет хорошо». Также задавали вопрос: «Получим ли мы разрешение на выезд?» — «Уедете. Надо подождать». Сохранялась постоянная связь. Папа говорил мне: «Ты еще молодой дух». Он всегда жил мыслями о Владыке. Последние 15 лет жизни Михаил Михайлович практически был слепым, не имел возможности читать. Чем же он занимал все свои дни? Только беседой! Только обращениями... Я бы сказала: «Мы — от Владыки М.М.»

— *Ваш отец, Михаил Михайлович Бутин, когда-нибудь встречался с Рерихами?*

В Харбине имя художника Рериха связывали с политикой. А к политике мы всегда относились безучастно. Эмигранты больше интересовались службой и чтобы было, что поесть. Когда в 1934-м начались «разоблачения» Рериха, папу вдруг осенило: «Да ведь это же Белое Братство!» Папа о Братстве знал, а о Рерихе не знал. И он поехал на встречу. Это было за два дня до отъезда Рерихов в Пекин. Он говорил только с сыном Юрием. Тот сказал, что отец занят и не может принять. Папа и не надеялся, что его примут, тогда началась травля. В день отъезда Рерихов, папа поехал на вокзал, чтобы только посмотреть на Николая Константиновича. Потом сказал: «Ну, я его хоть издали видел, как он пошел в вагон». Если бы раньше знать...

Для нас на Дальнем Востоке Рерих как-то стоял в связи с политической деятельностью, и это заглушало Агни-йогу. Все эти генералы бесконечные...

М.М. Бутин. Харбин

М.М. Бутин в русской школе. Ханькоу, 1926

которые каждый о себе думает. Мы ничего не знали о том, что выстроен Рериховский музей в Нью-Йорке, что картины перешли в руки президента музея Хорша. Было такое впечатление, будто Рерих — художник, переехал в Индию, и это всё.

Зато Чистяков был близок с Рерихами, и это уже связь. Папу и Петра Алексеевича объединяло поклонение Иерархии, Мастеру. Они вместе изучали Агни-йогу. На мой взгляд, заслуга Чистякова в том, что он ввел в нашу жизнь Махатм и Плат как реальный факт. Через Петра Алексеевича Учение стало не только написанное, но и частью нашей жизни.

— *Что такое Плат, о котором Вы упоминали?*

До самого последнего времени я не совсем понимала, насколько Плат представляет собой большую ценность. Это кусок шелковой ткани, малинового цвета, на нем изображение чаши со змеей. Плат папа получил от Чистякова. Как-то приехал от Петра Алексеевича очень взволнованным: «Представляешь, он отдал Плат мне».

С этой вещью была связана целая история. Около Петра Алексеевича крутилась одна молодая женщина, ее звали Вероника. Она была как бы его тенью, он считался ее гуру. Она интересовалась воплощениями, считала себя египетской принцессой. Такая немножко авантюристского, легенького типа. И Чистяков отдал ей Плат, якобы она будет на нем «гадать», с его помощью предсказывать будущее. Папа был крайне возмущен. В общем, они получили этот Плат обратно. Михаил Михайлович сказал: «Я беру для дочери».

Помню, Петр Алексеевич и Вероника зашли к нам как-то в воскресенье, во второй половине дня, я собиралась как раз уходить и встретила их в дверях. Плат находился в руках этой жен-

щины, и я не знаю, что сказал отец Чистякову, но Чистяков разрешил папе обратиться к женщине с просьбой вернуть Плат. Она покорно отдала.

Мы хранили Плат у себя, и у нас было представление, что это — немножко больше, чем сувенир от Рериха. Знаете, когда едут в гости, то раздают подарки. Но понимание ценности этой вещи, знание, что она пропитана энергией, отсутствовало. Просто сувенир на память. Ведь в книгах Агни-йоги нигде нет упоминания о платах.

Хотя вначале Плат воспринимался как подарок, я употребляла его много раз, обращаясь с молитвой к Владыке М., и всё исполнялось. Теперь у меня нехорошо с глазами, я слепну. Не знаю, помогает ли Плат, но процесс идет удивительно медленно. Я верю в Плат.

Неоднократно происходили чудесные случаи. Они все записаны и приложены к Плату. Однажды у меня начались сильные боли в груди. Я привязала шелковую ткань на ночь и легла спать. Утром боли нет. Если заболит еще что-нибудь, опять Плат...

— *Как сложилась дальнейшая судьба Петра Алексеевича Чистякова?*

Мой отец и Чистяков особенно стали близки перед отъездом из Харбина. Мы вместе хлопотали визу в Японию. Нашим спонсором выступил архиепископ Еремей Бакич, впоследствии русский митрополит в Нью-Йорке. А спонсором Чистяковых — владелец кондитерской фабрики и магазинов в Японии Морозов. Визы получили почти одновременно. В то время китайцы выпускали из страны, как им хотелось. Можно было уехать быстро, а можно было ждать годами. Нам повезло, мы выехали быстро, в 1957 году. Чистяков со своей дочкой Женей отправился на три-четыре месяца позже, добрались до Гонконга и там застряли. В период советской

оккупации многие русские эмигранты состояли на службе у Советов. Это была своего рода мобилизация. Когда военные власти уходили из Харбина, — оккупация длилась 9 месяцев — все, кто у них работал, хорошо устроились. Одно из таких мест получила дочь Петра Алексеевича, в советском генконсульстве, в отделе выдачи паспортов. Так что ее видели все. Когда Чистяковы оформляли визы в Гонконг и Японию, этот факт они в анкете не указали. Но в Гонконге местным властям стало известно о том, где Женя работала. И Морозов снял свое спонсорство на отъезд в Японию.

Чистяковы застряли в Гонконге и находились там не две-три недели, как большинство из нас, а несколько лет. Мы жили уже в Америке, куда приехали в 1959 году, когда узнали, что наконец-то их выпустили, разрешили поехать на Тайвань. Там в скором времени Петр Алексеевич скончался. Они с папой переписывались, и Чистяков обещал, что после его смерти письма Елены Ивановны Рерих будут посланы Михаилу Михайловичу. Никаких писем папа не получил. Женя Чистякова написала потом: «Я не думала, что эти письма такие важные, и не послала их заказным пакетом». Посылала или вообще не посылала, мы не знаем. Слышала, позже она работала на тайваньской радиостанции и приезжала в Америку как туристка.

Помимо писем, была еще одна история. Папа страшно ее переживал. Чистяков имел портрет Владыки М., который ему подарила Елена Ивановна. Он вставил его за крышку и носил в золо-

тых часах. Потом продал часы и забыл вынуть портрет. С того момента, когда Петр Алексеевич отдал Плат папе и продал часы с портретом, он неожиданно потерял свой знахарский дар. Это случилось перед нашим отъездом в Японию. Я уже, кажется, говорила, мы прожили два года в Токио, потом переехали в Сан-Франциско. В 1967 году папа скончался и Плат стал моим.

— Значит, Плат Вам достался по наследству?

Да. После своей смерти я завещала Плат Музею Рериха в Нью-Йорке. Недавно я узнала чудесную историю. В Харбине Чистяков дал на время свой Плат молодому человеку, лет двадцати, Эдуарду Кузику. В 1952 году перед отъездом из Китая юноша пришел попрощаться к Петру Алексеевичу и возвратил Плат обратно. Он подал его в конверте. Когда Чистяков открыл конверт, там оказалось два одинаковых Плата. «Это для вас», — сказал Петр Алексеевич и протянул молодому человеку один из них. Кузик объяснил материализацию сильным желанием — либо у Чистякова, либо у него самого было достаточно психической энергии для этого.

Второй Плат находится у меня. Я часто обращаюсь через Плат, но не слышу. Может быть, иногда вдруг мелькнет мысль... На моем столе стоит большая карточка Махатмы Мори. Гости меня спрашивают, бросается в глаза красивый индус, почему он среди личных вещей? Я отвечаю: «Фотография осталась от папы. Это писатель, который дал Учение. Папа Его очень уважал и имел эту карточку всегда перед собой...»

Нью-Йорк, 6 июля 2003,
по телефону